

Н. Н. МЕСЯЦЕВ

Горизонты и лабиринты моей жизни

<Фрагменты>

Глава VIII. Комсомольское братство

<...> После XX съезда КПСС (1956 год) наш народ, партия, а вместе с ними и молодежь, ее коммунистический союз переживали переломный момент.

Мне в числе других товарищей из ЦК ВЛКСМ довелось быть на XX съезде КПСС. Сидящие в зале в своем подавляющем большинстве не знали, что именно сегодня, в этот день, будет доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина. Как обычно делегаты и приглашенные на съезд расселись по своим местам, на трибуну вышел Хрущев и начал говорить. В зале установилась гробовая тишина, люди сидели с опущенными головами. Казалось, что чувство стыда, скорби, недоумения, непонимания овладевало присутствующими.

Приводимые докладчиком факты произвола и беззакония по отношению к тысячам и тысячам ни в чем не повинных людей зывали к совести, к самоанализу, самоуглублению. У убежденных сединами людей в глазах стояли слезы. Нам, молодым, было легче. Перед нами впереди была вся жизнь...

Доклад о культе личности и его последствиях был подобен удару огромной силы, потрясшему самые глубины сознания, и надо было не только устоять, а, вобрав в себя всю силу этого удара, спрячь его с присущей почти каждому внутренней свободой, и все это обратить на взращивание чувства ответственности за судьбы страны, народа, молодежи, чтобы ничего подобного в истории социалистического отечества никогда не повторилось.

Сидел я, слушал доклад, а в голове проносились картины прошлого.

...Слова «культ личности» я впервые услышал от своей учительницы литературы и русского языка Веры Николаевны Лукашевич, приемной дочери писателя В. Г. Короленко, впитавшей, наверное,

от него демократические взгляды и традиции русской интеллигенции и стремившейся посеять их в наших ребячьих душах.

Как-то глубокой осенью поздним вечером я провожал Веру Николаевну из школы до ее дома через пустынный Останкинский парк. Было слякотно, в вечерней черноте подвывал ветер. Она неторопливо рассказывала о годах своей юности, а затем стала говорить: «Коля, вот ты занимаешься комсомольской работой. Нельзя так обожествлять человека, как у нас обожествляют Сталина. Это культ личности. В его руках сосредоточена такая необъятная власть, что могут быть любые деяния со стороны этого человека». Я тогда не понял всей глубины того, что вкладывала в мою мальчишескую голову умудренная жизнью учительница.

Когда слушал Н. С. Хрущева, предстал передо мной и живой Сталин, которого я видел не только высоко стоящим на мавзолее во время праздничных демонстраций на Красной площади, а сравнительно близко.

Мы с мамой в один из ноябрьских вечеров 1932 года поехали из своего далекого Останкино в центр города. Тогда для меня это было целым событием. Вышли на знакомую улицу 25-го Октября, а по ней на Красную площадь к Мавзолею Ленина. Вдруг с разных сторон площади раздались милицейские свистки, площадь оказалась оцепленной людьми в милицейской форме, а из Спасских ворот Кремля вышли какие-то люди, которые что-то несли на плечах. Я побежал и пристроился к процессии. Гроб несли — Сталин, Молотов, Ворошилов и кто-то еще. Никто меня не отгонял, я шел рядом со Сталиным и разглядывал его. Он мне тогда понравился — ладная фигура и добрые глаза. Я проводил эту скорбную процессию до самого входа в клуб ВЦИКа (в здании нынешнего ГУМа на втором этаже был такой клуб)¹. Над Красной площадью вечерело. Было пустынно. Тихо. Позже мы с мамой узнали, что это был гроб с телом Н. С. Аллилуевой, супруги Сталина, а еще позже, что повинен в ее гибели сам Сталин.

Во второй раз сравнительно близко я увидел Сталина тоже при печальных обстоятельствах. Как-то в начале декабря 1934 года по нашей школе разнесся слух о том, что вдоль полотна Октябрьской железной дороги, что проходила недалеко, расставлены красноармейцы. Погода была не очень морозная, и мы — человек десять — пятнадцать — решили сбегать посмотреть, что там происходит. Прибежали. Смотрим, медленно по направлению к Москве движется небольшой состав, состоящий из трех-четырёх пассажирских вагонов, в конце которых платформа. Когда поезд приблизился к нам, то мы увидели, что на платформе стоит гроб, а вокруг него группа людей и Сталин. Он курил трубку и кого-то

слушал. Платформа медленно прокатилась мимо нас. Это везли из Ленинграда гроб с телом С. М. Кирова.

Эти две мальчишеские встречи со Сталиным отложили в сердце ребяческую привязанность к этому человеку, которая впоследствии переросла в поклонение ему, подчинение его авторитету и воле. И лишь позже, во время работы на Лубянке, встреч с Берия и учебы в Академии общественных наук приходили мотивации критического отношения к Сталину, к «вождизму» вообще, который, вознося одних, тем самым принижает других людей, делает их как личностей незначительнее, мельче, а коллективное творчество подчиняет своим эгоистическим «вождистским» устремлениям.

Думаю, что Хрущев на XX съезде КПСС, раскрывая преступные деяния Сталина, утверждал тогда, что без репрессий в той или иной форме истинных коммунистов культ не мог бы состояться. Во всяком случае, так я его понимал, когда он рассказывал об устранении вождем всех своих потенциальных противников.

Однако противоречия между объективной исторической тенденцией социализма и паразитирующей на ней системе культа личности приводят к искажению процесса становления социализма. Воспроизведение Брежневым системы культа личности в виде фарса привело помимо других причин к замедлению развития общества, к его стагнации.

Вождю, дабы не склониться к культуре личности — как системе взглядов и действий, — надо обладать высочайшим интеллектом и внутренней нравственной силой, постоянно восстающей против самой возможности возникновения этой системы.

Руководствуясь общими законами исторического развития, и в том числе законами социализма, борьбу против культа личности нельзя рассматривать лишь как проявление личных мнений и убеждений тех или иных руководителей — в данном случае Н. С. Хрущева. В силу объективной исторической необходимости рано или поздно приходят свои герои, способные пойти на преодоление культового недуга, реализовать поступательное движение по социалистическому пути. <...>

Н. С. Хрущев в своем докладе на XX съезде КПСС почти не коснулся исторических успехов, одержанных страной. Он сосредоточил свое внимание на том, чтобы «взорвать» культ личности Сталина, раскрыть прежде всего пагубность культа, как чуждого марксизму-ленинизму явления, которое умаляло роль народных масс, принижало коллективное руководство партии, наносило огромный ущерб экономической, политической, духовной жизни общества. Грубейшие нарушения социалистической законности

порождали социальную апатию, деформировали массовое общественное сознание.

Естественно, что культ личности особенно бил по молодежи, изымал из сердец юношей и девушек присущее молодости стремление к самостоятельному поиску истин и утверждению их в жизни. Культ личности обкрадывал духовный мир юности. Он порождал рабство мысли и действия. Вступал в противоречие с социализмом, его неперемнным условием демократичности общества, обеспечения личности возможностями быть творцом разнообразия идей, взглядов, постоянно порождать инициативу, самостоятельность.

Не помню, мы, комсомольские работники, шли из Кремля после доклада Н. С. Хрущева все вместе или разбрелись, чтобы сначала в одиночку обдумать услышанное и пережитое. Шли. Надо было идти вперед. Коммунистическая партия своим XX съездом побуждала к иному мышлению и к иным действиям. Н. С. Хрущев показал тогда беспримерную политическую смелость. Мне представляется, что он после съезда немало размышлял о том, какую нравственную прививку надо сделать молодежи, дабы избавить ее от возможности возвращения к культу личности как общественному злу.

Вспоминается, что спустя некоторое время после XX съезда Н. С. Хрущев поручил академику Ф. В. Константинову, работавшему тогда ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, и мне подготовить материал (статью, письмо, обращение — что именно, решено не было), адресованный молодежи подросткового возраста, в котором бы в доступной форме, безусловно научно, убедительно рассматривалась проблема вреда культа личности Сталина.

Высказывая свои соображения на этот счет, Никита Сергеевич подчеркивал, что при написании такого рода материала мы должны иметь в виду, что культ личности оставил глубокий след в сознании нашего народа и нужны решительные, последовательные меры по его преодолению. «Представьте себе такую картину, — говорил он, — глубокая осень, расхлестанный проселок, по наезженной глубокой колее которого, выбиваясь из последних сил, лошаденка еще тащит увязшую по самые оси груженую телегу. Что делает возница-крестьянин? Он берет лошадь под уздцы, бьет, бьет ее по морде, всеми своими силами помогает ей вытащить воз из этой заезженной колеи, выбраться на новую дорогу, по которой легче двигаться вперед. Так надо поступать и нам».

Материал мы подготовили. Но его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Конечно, теперь, спустя много лет с той поры, очевидна известная ограниченность решений XX съезда КПСС о культе личности, о путях развития социализма в нашей стране. История допишет

объективные и субъективные причины, породившие эту ограниченность и ущербность.

Взрывной силы XX съезда КПСС, ослабленной затем самим Хрущевым — и в большей степени Брежневым, — недостаточной последовательностью в проведении намеченного им курса, не хватило на то, чтобы превратить «оттепель» в буйно расцветающую социалистическую весну.

Однако и преуменьшение значения XX съезда в пробуждении общественного сознания было бы ошибкой. Притягательная сила съездовских решений взрыхлила почву в душах людей, и прежде всего молодых, широко разбросала в них семена критического, творческого подхода к жизни, стремления к демократии, социальной активности, честности, справедливости, верности социалистическим идеалам. Поколения, впитавшие идеи XX съезда КПСС, оставили свой след в истории советского общества.

Вместе с тем надо заметить, что отношение юношества к критике культа личности Сталина и его последствий было неоднозначным. Амплитуда мнений раскачивалась от безусловной и горячей поддержки линии XX съезда КПСС, что было присуще основной массе молодежи, до неприятия, отрицания этой линии. В рамках этих противоположных суждений получили распространение явления нигилистического отношения к действительности и защиты ее крайностей, социальной апатии, пессимизма и экстремизма, утраты веры в социалистическую перспективу. Эти явления имели место среди студенчества, гораздо в меньшей мере среди рабочей и сельской молодежи.

Комсомольские организации бурлили денно и нощно. Шел поиск практического решения проблем, выдвинутых XX съездом КПСС. Секретари, работники аппарата ЦК буквально не уходили из комсомольских организаций. Так было не только в Москве, но и в глубинке. Вот пример: дискуссия на историческом факультете Московского государственного университета по поводу преодоления явлений культа личности в общественных науках. Зал, рассчитанный человек на триста, был заполнен до отказа. Присутствовали не только студенты, но и профессорско-преподавательский состав, обстановка была накалена неудовлетворенностью студенчества постановкой преподавания, уходом от острых жизненных проблем. Естественно, что я горячо поддержал эту справедливую критику в адрес руководства кафедры общественных наук, преподавательского состава, в целом ректората университета.

Каково было мое удивление, когда вскоре в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС поступила коллективная жалоба руководства исторического факультета с обвинениями в мой адрес, что

я-де своим выступлением подрываю авторитет профессорско-преподавательского состава. Авторы письма требовали привлечения меня к партийной ответственности. Однако ЦК КПСС счел мою позицию правильной. Ради справедливости надо заметить, что после этого случая я, как и ранее, часто бывал в МГУ, но к этой истории никто не возвращался.

В комсомольских организациях шел поиск. На основе анализа обстановки, сложившейся в комсомоле за долгие годы культа личности, с учетом опыта прошлого и настоящего надо было определить основные направления деятельности ВЛКСМ на ближайшие годы.

Главное, что предстояло сделать, это преодолеть последствия культа личности в сознании миллионов масс молодежи, для чего было необходимо внести серьезные изменения в комсомольскую практику, изжить укоренившиеся командно-бюрократические методы работы во всех сферах деятельности комсомола. Наскоком совершить подобное было бы просто ребячеством.

Разрушить догматы и практику культа личности, преодолеть его последствия можно было лишь на платформе полного возвращения к изначальным ленинским идеям о коммунистическом союзе молодежи, его развитию в свете задач, поставленных XX съездом КПСС, и наболевших нужд юношеского движения, высказанных, сформулированных в спорах, дискуссиях, диспутах в комсомольских организациях страны.

* * *

<...> На следующий год (1957. — *Сост.*), тоже летом, волею судеб я попал на противоположный от Италии берег Адриатического моря — в Албанию. <...>

После ознакомительной поездки по стране нас, небольшую группу партийно-комсомольских работников, разместили в четырех одноэтажных кирпичных домиках, одиноко стоящих на многокилометровом пляжном великолепии, где под ногами шныряли крабы, черепашки и прочая неизвестная нам, северянам, живность...

В один из дней албанские друзья сообщили, что в Тирану с официальным визитом прибывает министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Мы, естественно, изъявили желание участвовать во всех возможных мероприятиях, связанных с этим визитом <...>.

Отбыл на Родину Г. К. Жуков как-то поспешно, мы даже не проводили его, а несколькими днями позже прилетела в Москву и вся наша группа. На аэродроме во Внуково встречающие сообщили, что на только что состоявшемся Пленуме Центрального комитета

КПСС (октябрь 1957 г.) Г. К. Жуков был освобожден от обязанностей министра обороны СССР.

Я был ошарашен. Не мог поверить в справедливость, разумность подобных действий. Неужели Хрущев и иже с ним не понимали того, что маршала Жукова можно лишить поста военного министра, но невозможно лишить Жукова всенародной любви...

Пленум обсуждал один вопрос: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и на флоте». Докладчиком был Сулов, который верно служил Сталину, Маленкову, а теперь угождал Хрущеву...

Участники пленума рассказывали, что в докладе Жукову приписывались грубые нарушения партийных норм руководства Министерством обороны и Советской армией, что он потерял скромность, без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов и так далее.

А Хрущев в своем выступлении обвинил Жукова в намерении организовать заговор с целью захвата власти. Участники пленума критиковали министра обороны за имеющиеся недостатки, но никто из них не поддержал обвинения в заговоре, стремлении захватить власть и прочих нелепицах. Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию в поддержку решений Пленума ЦК КПСС, имя Жукова, его высочайший авторитет в народе остался, любовь к нему неизменно продолжала жить в сердцах советских людей. <...>

Расправа с Жуковым для меня стала хорошим уроком. Я понял, что «верх» — небольшая группа лиц — держится за власть крепко и шутки с ней шутить нельзя, они плохо оканчиваются.

Хрущеву приписывается выражение «Сильнее, чем диктатура пролетариата, власти не было и быть не может». Конечно, когда все вершится от имени народа, почти невозможно выступить с каким-то иным мнением по тому или иному принципиальному вопросу или поводу. Тебя быстро прихлопнут как муху. Но диктатура пролетариата предполагает постоянное расширение и углубление народной демократии. Вот эта сторона диктатуры пролетариата в повседневных буднях нередко выхолащивалась.

Так думал не я один. Многие. Однако думы оставались думами. Хрущев, сформировавшийся как политический деятель в условиях культа личности Сталина и испытывший на себе всю его силу, не мог не прийти к уразумению той непреложной истины, что без демократии нет социализма. Он не мог не понимать всей значимости для страны именно такой постановки вопроса и его практического решения. Но, будучи сыном своего времени, он управлял так, как было привычнее, легче, — правил от имени народа, опираясь на исторически ограниченную представитель-

ную демократию и в партии, и в государстве, к тому же на такую представительную демократию, носителей которой можно было подбирать и формировать сверху.

В случае с Жуковым участники Пленума ЦК КПСС вышли за рамки установившейся традиции следовать за вождем. Проявили определенное неповиновение Хрущеву, ограничили желание Хрущева обвинить Жукова в стремлении к захвату власти; пошли за Хрущевым лишь в том, чтобы Жуков был снят с поста министра обороны.

Позже, во времена Брежнева, в демократических порядках страны мало что изменилось. Ограниченность демократии в условиях социалистического строительства исторически объяснима. Однако это особая и сложная тема, которую нельзя сводить к огульному охаиванию, социальной действительности, что имеет место в последние годы...

Ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни те, кто сменил их тогда у руля власти, не смогли преодолеть эту ограниченность. В конечном счете это не что иное, как трагедия этих людей. Так же пока трагична и судьба первых лиц в условиях современной буржуазной демократии. За редким исключением, их не спасает даже накопленный веками опыт манипулирования общественным мнением. <...>

С конца пятидесятых годов Московский Кремль был открыт для свободного посещения, а в Большом Кремлевском дворце устраивались молодежные балы и детские елки. Не были обойдены и взрослые дяди. По инициативе Н. С. Хрущева в ночь под Новый год в Георгиевском и Владимирском залах, в Грановитой палате устраивался новогодний прием, на который приглашали министров, общественных деятелей, выдающихся представителей науки, культуры, искусства и, конечно, передовиков производства, транспорта, строек, колхозов и совхозов. Приглашали и нас — секретарей ЦК ВЛКСМ.

Съезжались гости к 10 часам вечера, а разъезжались в 2 часа ночи. Столы накрывались в Георгиевском зале и в Грановитой палате, а танцевали во Владимирском зале. Приемы проходили на хорошем праздничном подъеме.

После поздравительной речи, обычно Никиты Сергеевича, хотя прием давался от имени Президиума Верховного Совета СССР, Центрального комитета партии и Совета министров Союза ССР, за каждым столом кто-то из сидящих брал на себя роль тамады и своими шутками-прибаутками увлекал остальных в мир беззаботности, веселья. В те годы страна шла вперед и было чему радоваться...

Как-то на одном из таких приемов я пошел посмотреть как во Владимирском зале отплясывают трепака. Только вошел в зал, как ко мне буквально подкатилась молодая, кругленькая, словно

налитая всеми соками жизни женщина, взяла меня за руку и повела в круг танцующих. Я упирался, объясняя прекрасной даме свое упрямство тем, что не пляшу русскую.

Кто-то из присутствующих в зале стал поддерживать настойчивость моей дамы, другие упрекали меня в робости. Откуда ни возьмись около нас появился Никита Сергеевич Хрущев и, сказав мне: «Робеешь, секретарь! — пригласил на танец прекрасную даму. Взял ее за руку и, уводя от меня, добавил: "Смотри и учись"».

А поучиться было чему. Они — партнерша и партнер почти с одинаковой округлостью своих форм, небольшим ростом, живостью и плавностью движений — очень подходили друг другу, наверняка испытывали взаимное тяготение и с радостью отделились танцу. Они катились по залу, который сразу стал свободен от других пар, улыбались друг другу, на их лицах было само счастье. Радостно было и мне от мимолетного счастья этих двух людей — главы партии и правительства и колхозницы из Подмосковья.

Мне довелось видеть при разных обстоятельствах наших вождей середины и конца 50-х годов — первой половины десятилетнего нахождения Н. С. Хрущева у власти в качестве главы партии и правительства, быть свидетелем их отношения к «простым» смертным, к нам, представителям молодого поколения, — и все это укрепляло во мне уверенность в том, что они могут учитывать реальные процессы, происходящие внутри страны и в мире в целом.

Эта уверенность подкреплялась и вырастала успехами страны в развитии экономики, культуры, в росте народного благосостояния. Вожди, казалось мне, способны пойти по пути крупных преобразований социалистического бытия народа во всех сферах его жизни.

Наверное, мои размышления шли от желания быть если не участником, то хотя бы свидетелем преобразований подобного свойства, поддержка которым (судя по нашим делам в комсомоле) в народе обеспечена. Однако в жизни многое не совпадает с желаемым.

Так и Никита Сергеевич Хрущев не вписался в воображаемый мною его образ, о чем дальше. Да, это субъективные оценки в конечном счете, и не более.

Суть состояла в другом: страна и планета Земля вошли во вторую половину XX века. С чем человечество, советский народ, мое поколение придет к его исходу?..

Глава XI. В «Большом доме»

<...> Мне в память врезалась встреча членов Политбюро ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым с членами Политбюро Центрального комитета Партии трудящихся Вьетнама, которую возглавлял

тогда первый секретарь ЦК ПТВ товарищ Ле Зуан. Встреча состоялась по просьбе вьетнамских друзей. Проходила она в правом крыле Кремлевского Дворца съездов. Отдел тщательно готовил эту встречу, предложив такую повестку, которая охватывала обширный комплекс вопросов — политические, экономические, военные и другие.

Среди политических на первый план выдвигались взаимоотношения вьетнамских товарищей с китайским руководством в условиях обострения советско-китайских отношений. Уже в самом конце неоднократных рабочих напряженных встреч были найдены решения, удовлетворяющие вьетнамскую сторону. Н. С. Хрущев дал там же, в Кремлевском дворце, обед в честь Ле Зуана и его товарищей.

В назначенное время на третьем этаже, в небольших комнатах, лишенных каких-либо излишеств и тем более помпезности, собрались приглашенные, а Хрущева все нет. Андропов начал волноваться, сказал мне, чтобы я позвонил в приемную Хрущева узнать, выехал ли он на обед. Узнав от помощника, что Хрущев выезжает, я спустился на первый этаж, чтобы встретить Н. С. — так мы его между собой называли. Через короткое время подошла его машина, он быстро, без чьей-либо помощи вышел из нее, вошел в вестибюль, поздоровался, спросил, все ли в сборе.

«Все в сборе, ждут вас».

Предложил войти в лифт, чтобы подняться на третий этаж.

«Нет, пойдем пешком».

И так помчался вверх по лестнице, что я, гораздо моложе его, еле поспевал за ним — этим живым, энергичным человеком.

Я подробно рассказываю об этом обеде потому, что он примечателен во многих отношениях. К тому времени я побывал на разных приемах и у нас, и за рубежом — у глав государств и правительств, генерал-губернаторов; и у послов великих и малых стран, братских стран и государств, относящихся к моей Родине если не враждебно, то и не дружественно. Познал разные дипломатические протоколы — и чопорный английский, и строго торжественный французский, и церемонный восточный. Это же был товарищеский обед — обед единомышленников, вместе идущих по социалистическому пути, к тому же довольно регулярно встречавшихся (конечно, не в таком представительном составе высшего партийного и государственного руководства, как на сей раз).

Набор блюд был довольно скромным. Загодя от Н. С. позвонили и от его имени передали, чтобы «не шиковать, люди воюют, а вот в их резиденции вьетнамских друзей потчевать по их заказу, подавать что пожелают». Наши сидели по одну сторону стола, вьетнамцы по другую. В центре — первые лица — Хрущев и Ле Зуан,

которые и подняли бокалы за братскую дружбу народов обеих стран, за здоровье присутствующих. Застольная беседа была оживленной, шутили. Затем, ни с того ни с сего, Хрущев стал характеризовать каждого из присутствующих за обедом с нашей стороны. Сквозь улыбку он говорил, следя за реакцией присутствующих:

— Вот Подгорный, секретарь ЦК партии, но толку от него мало. Как был сахарным инженером — так им и остался (Н. В. Подгорный окончил пищевой институт. — *Н. М.*). Мало чему научился в жизни. Смотреть вперед не может. Дело до конца не доводит.

Подгорный сидел красный как рак, губы вздрагивали, руки были сжаты в кулаки и лежали на коленях. Он откинулся от стола и, не глядя на Н. С., двинулся в сторону от Хрущева. Молчал и Суслов, он сидел по другую руку от Н. С. и с еле заметной иезуитской улыбочкой вытянулся в сторону говорившего Н. С. Другие наши тоже молчали, опустив головы.

Вьетнамские товарищи, как мне показалось, растерялись. Ле Зуан намеревался перевести разговор на сроки возможного приезда Н. С. в Ханой, но Хрущев «поехал» дальше:

— Или вот — Суслов. Я до сих пор не могу понять: он за разоблачение культа личности, за последовательную реализацию решений XX съезда партии или против? Ведь если его и сейчас в лоб спросить об этом, он ведь увильнет от прямого ответа?!

Суслов смотрел на Хрущева, на лице его блуждала угодливая улыбочка, словно отвечавшая Н. С.: «Пожури, пошуту, если тебе это доставляет удовольствие», — и он потихонечку похихикивал.

Хрущев напирал:

— Ответь, Михаил Андреевич, наши друзья должны знать твою позицию, да и мы тоже.

В это время из-за стола поднялся Л. И. Брежнев, сидевший рядом с Сусловым, прихватил с собой А. Н. Шелепина, тот позвал меня, чтобы я тоже вышел вместе с ними из обеденной комнаты.

Брежнев — Шелепину: «Вот ведь с... как распустился. Меру во всем теряет...» Я сделал вид, что мне нужно поговорить по телефону, и отошел от них.

То, что говорилось за обеденным столом Хрущевым, долго стояло у меня в ушах. Да я и сейчас, когда пишу эти строки, вновь слышу голос Хрущева и вижу его, внимательно следящего за сидящими — и справа, и слева, и напротив — за своими товарищами по партии, по Политбюро, за вьетнамскими друзьями.

«Как мог Н. С., — думал я, — давать такие характеристики?! Зачем? Какие цели, интересы он при этом преследовал? Что за этим стоит?» Вопросов возникало много. А суть состояла, очевидно, в том, что своими характеристиками Подгорного, Суслова,

да, наверное, и других, которые я уже не слышал, Хрущев хотел показать и показал, что он «хозяин» в Политбюро, в Центральном комитете и все сидящие за столом его товарищи по партии у него в «кулаке». Он — один-единственный, последняя партийная и государственная инстанция. И вы, дорогие вьетнамские друзья, покидая нашу страну, помните и знайте об этом!

Но это еще не все. По услышанным из уст Брежнева весьма нелестным словам, сказанным о Хрущеве Шелепину, я понял, что Н. С. позволяет себе такие выходы не впервой, что-то было ранее сказано и в адрес Брежнева, и других и что таких хлестких характеристик члены Политбюро своему лидеру не простят. Было очевидно, что Хрущев и в отношениях со своими товарищами зарвался, точно так же, как он зарвался и в большой партийно-государственной политике, о чем у нас исписаны уже горы бумаги, а в ряде серьезных работ даны глубокие оценки.

Зачем, зачем, гадал я, ты, Н. С., делаешь такие глупости? Ведь ты же повторяешь в какой-то мере то, что творил Сталин и что ты сам хотел порушить... Начал рушить и не можешь. Ты, Хрущев, дитя своего времени!..

Как-то позже я вспомнил этот обед, и мне пришла мысль о том, что Хрущев первый начал «топтать» сначала Сталина, а затем и своих ближайших сподвижников... Тебя, Никита Сергеевич, тоже, наверное, будут топтать! Было ли что-нибудь подобное во всемирной истории?.. В чем причины тому?

...Тебе, Никита Сергеевич, многого не простят. Не потому ли инициаторами и организаторами октябрьского (1964 года) Пленума ЦК КПСС были именно Брежнев и стоящий за ним (как обычно) Суслев...

После обеда Хрущев, попросившись с вьетнамскими товарищами, сказал мне, что, возможно, он придет завтра вечером в особняк делегации и побудет с ней накануне ее вылета на Родину. У Н. С. был какой-то особенный, ранее мне не встречавшийся взгляд: он смотрел, что называется, «в упор». Видя собеседника, он как бы его не видел.

На следующий вечер меня пригласили к телефону. Звонил Н. С. Поздоровавшись, он спросил: «Чем занимаетесь?» — «Мы собирались ужинать. Вас ждать?» — «Нет, я, к сожалению, не могу. Скажите товарищу Ле Зуану, что я очень хотел приехать и провести с ним вечер. Но одно срочное дело помешало этому. Передайте, что все наши договоренности получают практическую реализацию. С китайскими товарищами пусть ведут себя как добрые соседи, в духе принципов мирного сосуществования. Пожелайте доброго пути и счастья». — «Ваши пожелания будут переданы всей

делегации». — «А что делегация будет делать после ужина?» — «Они хотят посмотреть двухсерийный фильм по роману Симонова "Живые и мертвые"»². — «Нет, покажите им фильм "Русское чудо"»³. — «Хорошо». — «До свидания, товарищ Месяцев». — «До свидания, Никита Сергеевич».

Все сказанное Н. С. я передал членам делегации за ужином. Ле Зуан поблагодарил. А когда заговорил о том, какой кинофильм посмотреть, Ле Зуан, рассмеявшись, сказал: «Как ни приеду в Москву, Никита Сергеевич всякий раз показывает мне "Русское чудо" (документальный фильм, созданный авторской группой из Германской Демократической Республики об успехах социалистического строительства в СССР. — *Н. М.*). Давайте не послушаемся товарища Хрущева и посмотрим "Живые и мертвые"», — сказал Ле Зуан с улыбкой. Члены делегации рассмеялись. В ходе просмотра фильма я увидел, как у Ле Зуана слезы катились по щекам, он их не стеснялся и не смахивал с лица. Может быть, что-то напоминало ему о его стране, народе, о чудовищности войны, которую им навязали новые оккупанты — американцы, сменившие потерпевших поражение французских колонизаторов в этой грязной, как справедливо ее назвали народы мира, войне. <...>

Как-то Юрию Владимировичу позвонил помощник Н. С. Хрущева О. Трояновский и передал просьбу Никиты Сергеевича приехать к нему в Кремль и внести его, Хрущева, поправки в документ (о мерах помощи Кубе. — *Н. М.*), который готовился нами для рассмотрения на Политбюро. Андропов пригласил меня с собой. Мы быстро проехали через Спасские ворота в Кремль, остановились у входа в здание Совета Министров и прошли в приемную Председателя Совмина. Трояновский сказал, что Н. С. извиняется, лично принять участие в работе не сможет, просит с учетом его замечаний довести записку до надлежащей кондиции, подписать и оставить ему. Юрий Владимирович взял записку, примостился на краешке стола, за которым восседал помощник Хрущева. Я сел рядом, мы внесли в записку необходимые коррективы и поехали в «Большой дом».

Поведение помощника Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального комитета КПСС меня не только удивило, но насторожило и даже обидело. Обидно стало не за себя, конечно, а за Андропова: Трояновский сидит за столом, развалившись в своем кресле, а человек старше его, к тому же секретарь Центрального комитета партии пристроился на уголке этого стола и вместе со своим сотрудником в это время исполняет поручение Н. С. Хрущева. «Ничего себе порядки», — размышлял я.

Сели в машину. Едем. Я молчу, переживаю.

Андропов:

— Что молчишь?

— Мне стыдно: секретарь ЦК партии, как бедный родственник, приютился на уголке стола у богатого дядюшки — всего-то помощника Предсовмина, барски развалившегося в своем высоком кресле. Надо было щелкнуть его по носу...

— Ты многого еще не знаешь из заведенных не нами с тобой порядков. Работай и набирайся ума. Атмосферу вокруг членов Политбюро ЦК создают их помощники, равным образом формируют у каждого из них мнение и о нас с тобой. Не считаться с этим нельзя. Секретарь ЦК не всесилен.

— Но секретарь ЦК может поставить любого из помощников на место.

— Попробуй, а я посмотрю, что из этого выйдет... Не советую. Может плохо кончиться.

Мы приехали и разошлись каждый по своим рабочим местам. Поздним вечером того же декабрьского дня я, как обычно, пошел к Юрию Владимировичу, чтобы проинформировать его о текущих делах и посоветоваться по вопросам, которые требовали учета его мнения. Закончив свой доклад, я собрался уходить. Юрий Владимирович попросил задержаться. Заказал чаю с сушками. И без всяких оговорок продолжил начатый в автомобиле разговор.

— Ты думаешь, меня не задевает то, чему сегодня ты в первый раз стал свидетелем? Я не деревяшка. Но переломить сложившиеся порядки я не могу. В отделе атмосфера демократичная?

— Несомненно.

— Отношения между товарищами уважительные?

— Да.

— Ты мой локоть в совместной работе ощущаешь?

— Конечно. И я благодарен, искренне благодарен вам за доверие и помощь.

— Ты никуда не торопишься?

— Нет.

— Тогда послушай меня и постарайся понять. Вот ты несколько раз заводил разговор о необходимости подготовки записки отдела, трактующей наше понимание сущности отношений между странами социалистического лагеря, их стратегии и тактики в свете углубления курса XX съезда нашей партии на ближайшее время и обозримую перспективу. Постановка этого вопроса, несомненно, заслуживает внимания. Твои соображения на этот счет разумные. Ты нжимаешь на меня. Я ужоу от прямого ответа. Почему? Потому что я тебя еще плохо знал. Сейчас я могу тебе ответить почему...

Наши размышления созвучны. Я тоже за дальнейшую демократизацию в отношениях между братскими странами, за курс

XX съезда партии. Но я не могу вносить подобной записки в Политбюро ЦК. Там нет единства по этому поводу. Обсуждение этих вопросов, если оно состоится, будет перенесено в плоскость недостатков в работе Отдела, и меня снесут. Я не хочу этого. Боюсь...

Подумай сам хорошенько, раскинь мозгами... Ты не видишь, что первый (Хрущев. — Н. М.) все больше и больше забирает власть в свои руки и многое делает в стране, не советуясь с товарищами. Он искренне гордится тем положением, которое сложилось в отношениях между соцстранами, даже в условиях обострения связей с Китаем. И ты хочешь, чтобы я своей запиской вызвал разброд, вспышку страстей и амбиций? Нет, на это я не пойду...

И, пожалуйста, оставь меня с этой запиской в покое. Не советую тебе поднимать эти вопросы в разговорах с членом Политбюро Николаем Викторовичем Подгорным во время поездки на Кубу. Ни к чему хорошему разговоры на эту тему не приведут. <...>

Тогда же, в начале 60-х годов, в руководстве нашей партии были свои «болевые точки», которые сказывались на обстановке в партии и в стране. И самой большой болью стал Хрущев. Сопоставляя различные факты, относящиеся к его деятельности, я склонен думать, что между Н. С. Хрущевым, решительно и смело пошедшим на разоблачение культа личности И. В. Сталина, на демократизацию некоторых сторон деятельности партии, на обеспечение коллегиальности в руководстве партией и государством, и Хрущевым в годы перед его освобождением с партийных и государственных постов как бы пролегла непреодолимая межа. В нем все больше стали проявляться черты, присущие культу: вера в непогрешимость своих единоличных действий, в успех непродуманных экспериментов в рамках такой огромной страны, как наша. Беспокойство по этому поводу стало нарастать в народе. Думаю, что и домашних Н. С. стало тревожить его подчас бездумное реформаторство — вроде деления органов власти и управления в одних и тех же административных единицах на городские и сельские или повсеместное повальное насаждение кукурузы.

Дочь Н. С., Рада Никитична, добрый умный человек, как-то в разговоре со мной сказала: «Надо отца сдерживать. Ему же все время нужно что-нибудь перестраивать. Он даже на даче у себя в кабинете каждое воскресенье стол письменный ставит на новое место».

К сожалению, характер власти, которую забрал в свои руки Хрущев при попустительстве своих товарищей по Политбюро ЦК КПСС, уже не давал им — товарищам — удержать этого самобытного, талантливого человека от замашек и действий, присущих культу личности. Курс XX съезда, который определила партия,

стал или пробуксовывать, или «потихоньку» замалчиваться, или провозглашаться на словах без постоянного его воплощения в дела, в жизнь.

Мне импонировали динамизм Н. С., его способность мобилизовать свои способности, знания, опыт в нужный момент и в нужном направлении. Я это особенно чувствовал, работая в Отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Ю. В. Андропов почти ежедневно в наших деловых разговорах ссылался на ту или иную точку зрения Н. С. по поводу положения дел в других социалистических странах. Для него, Хрущева, состояние в мировой социалистической системе было наиглавнейшей партийной и государственной заботой среди других немалых забот.

Но как бы там ни было, Никита Сергеевич не выдержал испытания властью. О власть, как ты сладка и радостна и какой горькой и трагичной ты бываешь!

Н. Хрущев — самородок, алмаз, гранильщиком которого был Сталин. На Хрущеве не могли не сказаться теоретические воззрения, стиль и методы руководства гениального гранильщика. Помимо понимания Н. С. Хрущевым вреда культа личности как явления для нашей страны, для братских социалистических стран, для международного коммунистического и рабочего движения им, Хрущевым, в немалой степени двигало и то, что, не столкнув с пьедестала Сталина, не потоптав его, ему будет трудно войти во власть, удержаться на самой ее вершине. К началу 60-х годов мастерство гранильщика стало все больше ощущаться в гранях поведения «самородка».

Н. С. как-то сказал: «Я не знаю более сильной власти, чем диктатура пролетариата». К сожалению, он не продолжил свою мысль. Мне думается, что на определенном историческом этапе мы должны были перейти от диктатуры пролетариата к диктатуре народа — его всевластию, выстроенному на широкой демократической основе: депутатов, непосредственно избираемых, во-первых, по производственно-профессиональному признаку и, во-вторых, по территориальному.

В условиях однопартийности, впрочем, как и многопартийности, особое внимание надо было уделять развитию демократических институтов во всех сферах государственной и общественной практики, вводить демократизм в традиции масс, в их обыденность, в привычку. Только в этом случае с помощью «демократического решета» можно отсеивать народные таланты, способные стоять у руля государственной власти и управления, выбрасывать из «демократического решета» тех, кто не оправдал народного

доверия, узурпирует власть в угоду своим личным амбициям, групповым интересам.

Трагедия Н. С. Хрущева состояла в том, что он, как и его предшественники, хорошо усвоил одну сторону диктатуры пролетариата — насильственную, с помощью которой легче управлять, и пренебрег ее второй стороной — демократической сущностью, обусловленной коллективистской природой трудящихся.

Глава XII. Первые «заморозки»

Критическое отношение к Н. С. Хрущеву в партии и в государстве стало нарастать с начала 60-х годов, причем усиливалось в массах народа — сперва в виде «невинных» шуточек, анекдотов, а затем и прямой нелицеприятной критики, — и лишь потом оно затронуло кадры партии и государства.

В начале осени 1964 года Николай Романович Миронов, заведующий отделом административных органов ЦК КПСС, с которым у меня установились дружеские отношения, и я отправились утречком по грибы. Жили мы тогда на дачах Управления делами ЦК партии в Усово, что километрах в 35–40 от Москвы по Успенскому шоссе. <...>

По дороге обратно Миронов доверительно сказал: «Среди членов Центрального комитета партии вызревает мнение о целесообразности в интересах партии, государства, народа смещения Хрущева с занимаемых им постов и замены его другим товарищем. Вряд ли мне надо говорить тебе о причинах, побуждающих к тому. Они тебе известны не хуже, чем мне, и толковали мы о положении дел в стране не раз. Меня интересует, как ты отнесешься к смещению Хрущева?» Ответил: «Положительно». — «Ты понимаешь, что разговор строго между нами?» — «Понимаю. Не беспокойся».

Естественно, что сообщение Миронова побудило острее вглядываться в окружающих меня на работе людей, и прежде всего в Андропова. Он ни гу-гу. Все шло по-прежнему. С Мироновым к этой теме мы тоже не возвращались. Он молчал, молчал и я. Шелепин и Семичастный критиковали Хрущева по тем же позициям, что и многие другие, но о возможности его смещения ни слова.

И лишь дня за три до начала заседания Президиума ЦК КПСС, а затем и Пленума Центрального комитета партии, на котором обсуждался вопрос об освобождении Н. С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, Миронов назвал мне предположительную дату созыва Пленума ЦК (14 октября 1964 г.). Затем он сказал, что в главных средствах массовой информации — в газетах «Правда», «Известия», в Государственном комитете по телеви-

дению и радиовещанию — предполагается замена первых лиц на новые.

«Мне поручено предложить тебе возглавить Госкомитет по телевидению и радиовещанию. У тебя немалый опыт работы с учеными, писателями, артистами, композиторами — словом, с творческой интеллигенцией. Тебя в этих кругах неплохо знают и по-доброму к тебе относятся. Не новичок ты и в журналистике. В такой переломный момент твой авторитет благотворно скажется на атмосфере в Комитете. Думаю, что ты примешь это предложение! Поверь, твоя кандидатура обстоятельно обсуждалась. В руководстве ЦК есть уверенность в том, что твой приход в Госкомитет вызовет положительный общественный резонанс».

Предложение было настолько неожиданным, что меня буквально вышибло из кресла. Я стоял и внимательно смотрел на Миронова. Он кивал головой в знак подтверждения уже сказанного. Я спросил:

- Как бы ты поступил на моем месте?
- Ответил бы согласием на предложение товарищей из ЦК.
- Кого?
- Наверное, тех, кто придет на смену Н. С.
- Кто?
- Кого изберет Пленум.

Я понял, что дальнейшие вопросы подобного свойства неуместны.

- Сколько же времени мне дается на раздумье?
- Завтра ты даешь ответ мне. Подумай.

Попрощавшись, я вышел от Миронова, поднялся к себе в кабинет. Позвонил Андропову. Дежурный секретарь сказал, что Юрий Владимирович уже уехал домой, — время было позднее. На улице барабанил дождь. На душе тоже было слякотно. Никаких эмоций — ни положительных, ни отрицательных. Состояние было такое, как будто бы то, о чем мне только что поведал Миронов, я уже от кого-то слышал и успел пережить. Нет, это было не равнодушие и не безразличие — спокойствие, к которому примешивалось предчувствие возможного расставания с товарищами по отделу, с которыми я сработался и сдружился, а также с друзьями из братских партий различных стран.

Я имел доступ к уникальной информации, рассматривающей панораму жизни государств, народов, расстановку политических сил в мире, анализ происходящих в нем процессов в интересах отечества. Короче говоря, работа в Отделе приносила мне удовлетворение и радость.

А что ждет впереди, там, в неизвестности, — в знакомом мне лишь по радио- и телепередачам Комитете?! Вопрос о том, справ-

люсь ли я с предстоящей работой, меня не беспокоил. Знал, что справлюсь. Пройденное, пережитое, накопленное в жизни, давало право именно так думать. А раз так, значит, я мог дать утвердительный ответ на предложение товарищей из Центрального комитета партии, не желающих пока называть свои фамилии. Почему? Из страха. Боязнь тех, кто задумал осуществить эту объективно назревшую необходимость смещения Хрущева, боязнь перед возможным срывом задуманного вследствие недоучета всего и вся с ним связанного или боязнь Миронова и других быть преданными мною. Боязнь предательства с моей стороны вряд ли была основной в данном случае. Ведь те, кто решил предложить мне пойти председателем в Гостелерадио, несомненно, отдавали себе отчет в моей порядочности. И кроме того, само предложение, высказанное Мироновым, связывало меня с ними взаимной ответственностью в случае неудачи смещения Н. С. Хрущева. Если это так — значит, причина сокрытия от меня действующих лиц кроется в неуверенности, которая имеет место среди некоторых членов ЦК. А потому я обязан своим положительным ответом укрепить членов ЦК в правоте и своевременности вопроса, который выносится на Пленум Центрального комитета партии, его Политбюро. Ведь наличие колебаний, страха, когда нет надежды, парализует человека, группу людей, а в таких случаях нужны бесстрашие и твердая воля...

...Холодный октябрьский дождь стучал по крышам и железным козырькам за окнами, как бы ставя точки в моих размышлениях.

Наутро я столкнулся с Мироновым в подъезде «Большого дома». В лифте мы поднимались вдвоем, и я сказал: «Николай Романович, я согласен. Можешь сообщить об этом людям в масках». — «Не шути зло. Того требует обстановка». — «Догадываюсь. Но ведь мы с тобой не из пугливых. Из нашего поколения весь страх выбила война».

...В здании ЦК все шло своим чередом. Помимо других дел я был занят завершением переговоров А. И. Микояна, председателя Президиума Верховного Совета СССР, с Ю. Цеденбалом, первым секретарем ЦК Монгольской народной революционной партии, Совета Министров Монгольской Народной Республики, с которым мои отношения стали по-товарищески близкими.

Не помню точно, но, наверное, в вечер проводов высокого монгольского гостя на родину (ибо запомнилось, как мы с А. И. Микояном из-за погодных условий мчались из аэропорта Внуково-2 в аэропорт Домодедово) сидели мы с Иваном Поздняковым, заведующим сектором Монголии, обмениваясь первыми свежими впечатлениями по итогам визита Цеденбала, как позвонили из при-

емой Брежнева и попросили зайти к нему. Подумал — пришел мой черед. Вот тогда, в считанные минуты, пока я надевал пальто, переходил из своего третьего подъезда в первый, поднимался в лифте на секретарский этаж, шел в приемную Брежнева, в голове моей промелькнула почти вся моя жизнь со многими действующими в ней лицами — мгновенно, ярко. Эти воспоминания прошлого укрепили во мне чувство собственного достоинства. Я уже физически ощущал, что сейчас за дверями этого кабинета будет открыта новая страница моей жизни, на которой придется писать ее продолжение.

В кабинете находились Л. И. Брежнев, сидевший в торце длинного стола заседаний, А. Н. Косыгин сидел сбоку, поставив ногу на стоявший рядом стул, напротив него Н. В. Подгорный и рядом с ним П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС. Следом за мной в кабинет вошел Л. Ф. Ильичев, секретарь ЦК КПСС.

Было около полуночи 13 октября 1964 года.

После того как я поздоровался и сел около А. Н. Косыгина, Л. И. Брежнев спросил: «Кто поедет на радио представлять Николая Николаевича коллегии Комитета?» Подгорный: «Ильичев, это его епархия, там, наверное, его хорошо знают». Ильичев: «Хрущев может проходить и дальше в радиотелевизионных программах или убрать его из эфира совсем?» Демичев: «Убрать совсем». Брежнев: «Да, так будет правильно». Косыгин и Подгорный согласились с этим. Брежнев: «Коля, желаем тебе успеха. На днях мы встретимся. В случае необходимости звони».

Ильичев и я попрощались с присутствующими и вышли.

Вот и все. Рубикон перейден. Без всяких словопрений и эмоций. Новая страница жизни открыта... Для меня... Для Н. С. Хрущева книга его большой жизни, судя по поведению и настроению его бывших сподвижников, дописана. Внешне они были спокойны. Что делалось в их сердцах и умах — неведомо.

Я давно уже заметил, что большая политика, как правило, иссушает людей. Редко кто из «сильных мира сего» сохраняет эмоциональность, а с ней и высокую нравственность. А ведь без нее нельзя быть по-настоящему большим в большой политике.

Вглядимся с позиций нравственности — единственного, по моему убеждению, конечного критерия в оценке политика — в следующие за Н. С. Хрущевым первые лица — Брежнева, Черненко, Андропова, Горбачева и некоторых нынешних лидеров, ставших президентами независимых государств, которые возникли на месте разваленного Союза Советских Социалистических Республик...

В ту октябрьскую ночь Ильичев и я плутали по Замоскворечью и никак не могли подъехать к единственному сверкающему всеми

огнями громадному дому — Радиокomiteту, будто плывущему, в окружающей его тьме.

Приехали. В приемной председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию дежурил член Коллегии Комитета К. С. Кузаков (как потом мне стало известно — сын И. В. Сталина, рожденный крестьянкой Марией Кузаковой в далеком енисейском селе Горошиха, где мне довелось побывать в 1946 г.⁴). Ильичев попросил собрать членов Коллегии Комитета. К двум часам ночи приехали большинство из них, в том числе и все четыре заместителя председателя: Э. Н. Мамедов — первый зам. председателя, ответственный за радиовещание на зарубежные страны, А. А. Рапохин — ответственный за внутрисоюзное вещание, В. П. Чернышев — за телевещание, Л. С. Максаков — за все хозяйство Комитета. Председателя Комитета М. А. Харламова в Москве не было, он находился в загранкомандировке.

Ильичев сообщил собравшимся, что я назначен председателем Госкомитета, коротко рассказал обо мне, сказал также, что Харламов будет переведен на другую работу⁵. Не вдаваясь в какие-либо подробности, Ильичев сообщил присутствующим, что Н. С. Хрущев за крупные ошибки освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Вопросов к нему не последовало. Он попрощался и уехал.

Членам Коллегии Комитета я сказал, что если у кого-либо есть принципиальные позиции, вытекающие из факта освобождения Хрущева, то прошу об этом сказать, чтобы сообща найти разумное решение. Я просил всех членов Коллегии Комитета продолжать спокойно работать. Подчеркнул, что никаких перемещений, перестановок по службе, не обусловленных творческими, производственными задачами, осуществляться в коллективе Комитета не будет, о чем просил завтра сообщить в руководимых членами Коллегии Комитета главных редакциях, отделах и службах. Извинился за то, что потревожили, пожелал всем спокойной ночи, а заместителей председателя задержал еще немного. Я просил их способствовать созданию в многотысячном коллективе Комитета спокойной, деловой атмосферы. Договорились и том, что они сейчас же просмотрят радио- и телевизионные программы на наступающие сутки, чтобы в них не маячило имя Хрущева. При каких-либо сомнениях по этому поводу просил доложить мне.

Уже под утро позвонил домой. Сообщил, что я на новом месте, в Госкомитете по телевидению и радиовещанию. Просил Аллу не беспокоиться. Детям пока ничего не говорить; приеду — расскажу.

В некоторых нынешних писаниях распространяются байки о том, что в те дни здание Комитета на Пятницкой, телецентра

на Шаболовке было оцеплено сотрудниками КГБ, а их коридоры патрулировали негласные сотрудники госбезопасности. Все это бред! Равно как и измышления академика Арбатова о том, что я искал какую-то кнопку, отключающую вещание. Если бы чекисты «обложили» дом на Пятницкой и другие объекты, я об этом непременно бы знал. Председатель КГБ СССР Владимир Ефимович Семичастный, с которым у меня были со времен совместной работы в ЦК ВЛКСМ искренние отношения, наверняка сказал бы, да и товарищи по работе в Комитете могли впоследствии мне об этом поведать.

Просмотр содержания программ всех трех видов вещания занял сравнительно немного времени. Начинался новый рабочий день. Вместе с Алексеем Архиповичем Рапохиным прошли по коридорам четвертого этажа, посмотрели некоторые радиостудии, аппаратные, зашли в редакцию «Маяка», в службу радиоперехвата зарубежных радиовещательных станций. В ночных программах этих станций не было ничего такого, что говорило бы о смещении Н. С. Хрущева.

Утро, день и вечер 14 октября я был в Комитете, никуда не выходил. Знакомился со структурой Комитета, вникал в текущие вещательные программы, беседовал с заместителями. За весь день ко мне извне не было ни одного телефонного звонка; на мои же никто из могущих дать мне достоверную информацию о ходе Пленума ЦК КПСС не отвечал. Конечно, я понимал, что означало для меня сохранение Н. С. Хрущева на его прежних высоких постах. Тюрьма. И не только... Страха не было. Я знал, на что шел. Был уверен в необходимости в интересах народа, государства и партии смещения Хрущева.

Замечу, что, узнав, кого избрали вместо Хрущева, я пожалел о происшедшем. Но историю не повернешь вспять. Выдвижение Брежнева на пост Генерального секретаря КПСС было, как показало время, крупнейшим политическим просчетом, принесшим многие беды народу и государству, нанесшим ощутимый удар по делу социализма.

Никита Сергеевич обладал великолепным качеством — чувством нового. Не все он додумывал до конца, но это обусловленная многими обстоятельствами ограниченность всякого человека. Хрущев, безусловно, верил в творческий потенциал молодых — представителей нашего поколения, смело выдвигал многих из них на ответственную работу. Он понимал, что в преемственности поколений заложен мощный заряд прогрессивного развития страны. Брежнев, как показало время, боялся молодежи, ее возможных претензий на лидерство в стране.

...Из окон моего кабинета в Комитете был виден Кремль. Сверкали золотом подсвеченные прожекторами купола церквей, отливали белизной соборы и дворцы, алели звезды на башнях. Внешне все как обычно. Но я знал, что там, в одном из залов Большого Кремлевского дворца — Свердловском — заседают члены Центрального комитета КПСС, партии правящей, решают судьбу страны, судьбу не одного Хрущева, а именно всей страны. Я верил в коллективную мудрость тогдашнего состава ЦК, в котором было много товарищей из поколения, прошедшего войну.

«История цивилизации, обществ с различным социально-политическим строем и государственным устройством, в частности история Руси с момента ее возникновения и до наших времен, — думал я, глядя на возвышающийся над городом в этой его центральной части Кремль, — свидетельствует, сколь велико воздействие политического лидера на всю жизнь страны, на само бытие человека. Там, в Кремле, решается дальнейшая история Родины. Там решается и моя судьба».

К ночи 14 октября я перестал кому-либо звонить. Предупредил жену, чтобы не беспокоилась, — заночую в Комитете. Мы долго сидели с Алексеем Архиповичем Рапохиным. Наши судьбы странно переплелись. Алеша родился на Рязанщине, в семье крестьянина, в деревеньке, недалеко от Спасо-Клепиков — есенинских мест. Там и учился в школе. Затем окончил Ленинградский лесотехнический институт. Работал в Новосибирске на авиационном заводе. Был избран первым секретарем обкома ВЛКСМ, а позже, при Хрущеве, в Москве, — первым секретарем Центрального комитета комсомола по пропаганде. Некоторое время я трудился в качестве заведующего отделом пропаганды Цекомла под его началом, а затем он ушел на учебу, и я сменил его на посту секретаря ЦК ВЛКСМ. Нам было что вспомнить и о чем подумать наперед. Я ему рассказал как на духу обо всем, что было связано с моим переходом в Комитет. Он также верил в справедливое решение Пленума ЦК партии.

Утром мне позвонили от Брежнева и сказали, что сейчас фельдсвязью высылаются постановление Политбюро и решение Президиума Верховного Совета СССР о назначении меня председателем Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию, а к 19 часам я должен быть у Леонида Ильича на Старой площади. Получив эти документы, я попросил начальника управления кадров ознакомиться с ними руководящий состав Комитета, а сам, после двух бессонных ночей, поехал домой.

Вечером у Брежнева собрались Подгорный, Косыгин, Демичев, который на только что окончившемся Пленуме ЦК был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и на него как

секретаря ЦК были возложены обязанности куратора отделами пропаганды, культуры и науки ЦК партии с соподчинением Суслову. На Пленуме в состав Политбюро ЦК КПСС был избран Александр Николаевич Шелепин. Помимо меня к Брежневу были также приглашены Владимир Ильич Степаков, заведующий отделом пропаганды ЦК, исполнявший одновременно обязанности главного редактора «Правды» (П. Сатюков был освобожден от этой должности), и Лев Николаевич Толкунов, исполнявший обязанности главного редактора газеты «Известия» (А. Аджубей был освобожден от этой работы)⁶.

В ходе беседы у Брежнева было решено сформировать пресс-группу при Политбюро ЦК КПСС в составе Демичева (руководитель), Степакова («Правда»), Толкунова («Известия») и Месяцева (Госкомитет по телевидению и радиовещанию). В пресс-группу стекается вся информация, которая поступает в ЦК по различным каналам. Она группой коллективно обрабатывается, и также коллективно вырабатываются основные направления в пропаганде и агитации, вносятся коррективы в их текущее содержание как внутри страны, так и на зарубежные государства. Было оговорено, что лишь принципиальные вопросы пресс-группа вносит на рассмотрение Политбюро ЦК.

Надо заметить, что все присутствующие вели себя свободно, раскованно. Брежнев просил не стесняться и в случаях служебной необходимости советоваться с ним и с другими членами Политбюро. Я ознакомился с докладом Суслова на Пленуме ЦК, в котором раскрывались допущенные Хрущевым недостатки и ошибки, послужившие основанием для его освобождения от занимаемых постов, и с соответствующими постановлениями⁷. Прений на Пленуме ЦК не было, что, как говорили потом некоторые члены ЦК, было в пользу Хрущева, иначе к нему могли бы быть применены более жесткие меры партийного взыскания, судя по настроению участников этого пленума.

В нынешней печати мелькает мысль о том, что Октябрьский (1964 года) Пленум ЦК КПСС являлся заговором, а некоторые борзописцы даже сравнивают его с так называемым путчем августа 1991 года.

Октябрьский Пленум Центрального комитета КПСС заговором не был. В ходе Пленума были соблюдены все необходимые нормы внутренней партийной жизни, предусмотренные Уставом КПСС. Н. С. Хрущева на пост Первого секретаря Центрального комитета избрал Пленум ЦК, Пленум ЦК и освободил его. Пленум ЦК рекомендовал Верховному Совету СССР назначить Хрущева Председателем Совета Министров СССР — Пленум ЦК внес реко-

мендацию в Верховный Совет СССР о смещении его с этого поста. Как свидетельствуют документы, Хрущев уже в ходе заседания Президиума ЦК, предшествовавшего пленуму, понял и признал невозможность далее стоять у руля партии и государства. И самое, пожалуй, главное состоит в том, что Пленум Центрального комитета КПСС выразил настроение широких масс коммунистов и трудящихся, осознавших пагубность для страны субъективного экспериментаторства Н. С. Хрущева как главы партии и государства.

К этому можно было бы добавить еще два немаловажных обстоятельства. Во-первых, то, что члены Центрального Комитета КПСС впервые за долгую историю существования ЦК партии обрели смелость, проявили волю и в соответствии со своими убеждениями пошли на смещение своего лидера, который как политический руководитель перестал оправдывать свою роль. И, во-вторых, вследствие недостаточной развитости демократизма внутри самого Центрального комитета его члены в ходе подготовки к своему пленуму прибегли к предварительному, притом негласному, обсуждению предстоящего смещения Н. С. Хрущева.

Таким образом, в ходе подготовки и проведения Октябрьского (1964 года) Пленума Центрального комитета КПСС проявились как слабые, так и сильные стороны жизнедеятельности высшего — между съездами — партийного органа.

